реализовывать, обслуживать ценности первичные, прежде всего, духовно-нравственные). При этом данное противоречие представлено не столько разными конкретными социальными группами, сколько антиномичными политико-правовыми установками обыденного, повседневного мышления. Отсюда складывается необходимость в формировании специфической стратегии легитимации государственной власти с учетом национальных особенностей политико-правового менталитета российского общества [6].

Таким образом, бесспорно мнение Ж. Маритена, который полагает, «что изначально власть (не в своем конкретном выражении, а по своей сущности) - это не право (иначе она не нуждалась бы в легитимации); власть - это лишь возможность права, лишь притязание, обеспеченное силой и рассчитанное на признание» [7]. Именно легитимную государственную власть в любом случае следует рассматривать как право. При этом задача укрепить в общественном сознании представление о власти как о праве - задача правовой идеологии, определяемая ее легитимационной функцией. В содержании правовой идеологии власть предстает как право, а механизм правовой идеологии, внедряя такое представление о власти, вместе с тем должен снять все идейные основания сопротивления власти.

Вся логика легитимации государственной власти выражена в переходе от легитимации права на власть к легитимации самой этой власти и далее - к легитимации действующего права.

1. Беседин А.А. Значение правовой идеологии в решении задачи легитимации государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 3. С. 8.
2. Чиркин В.Е. Современное государство. М., 2011. С. 120.
3. Джангирян Ж.Д. Легитимная государственная власть как гарант конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 8. С. 6.
4. Актуальные проблемы правовой теории государства. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 135.
5. Штода И.С. Легализация и легитимация государственной власти [Электронный ресурс] // URL: www.gramota.net/materials/3/2011/1/55.html (дата обращения: 07.11.2020).
6. Кравченко А.Г., Мамычев А.Ю. Особенности легитимации результатов юридико-политической деятельности российской государственной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 12. С. 7-8.
7. Маритен Ж. Человек и государство. М., 2000. С. 119.

Удычак Ф.Н., Шадже А.М., Белая М.О.
Федерализация как способ изменения формы государства

*Адыгейский государственный университет
(Россия, Майкоп)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-162

idsp: ljjournal-01-2021-162

Аннотация

Многие современные федерации исторически возникали как унитарные государства, которые в процессе эволюции по разным обстоятельным причинам трансформировали форму территориально-государственного устройства, что, в свою очередь, не могло не отразиться на форме правления и форме государственно-политического режима, которые, являются основными взаимосвязанными элементами формы государства.

Ключевые слова: федерализация, федерация, унитарное государство, децентрализация, административно-территориальные образования.

Abstract

Many modern federations historically arose as unitary states, which in the process of evolution, for various detailed reasons, transformed the form of the territorial-state structure, which, in turn, could not but affect the form of government and the form of the state-political regime, which are the main interrelated elements. forms of state.

Keywords: federalization, federation, unitary state, decentralization, administrative-territorial entities.

Федерализация – это промежуточная категория – процесс обретения государством федеративных характеристик. Анализируя опыт федерализации большинства государств мира можно прийти к следующим суждениям.

Во-первых, федерализация как способ изменения формы государства возможна только в уже существующем государстве, в отличие от федерализации, проводящейся параллельно с учреждением государственности, как было, например, в Соединенных Штатах Америки, Канаде, Австралии. Федерализация, осуществляемая «сверху», может реализовываться двумя путями – либо эволюционно, посредством поэтапных конституционных реформ, либо посредством революции. Широкомасштабная реформа федеративных отношений требует пересмотра отношений между центром и регионами не только по форме, но и по существу [1].

Действительно, децентрализация не всегда приводит к появлению федеративного государства; ее результатом может быть, например, лишь немотивированное расширение полномочий органов местного самоуправления без формирования субъектов федерации и соответствующих органов государственной власти, соответственно, без учреждения федеративной государственности. Кроме того, децентрализация власти по вертикали может охватывать не всю территорию государства, а лишь некоторые его части.

Во-вторых, если становление федеративной государственности начинается «сверху», то возникает реальная опасность превалирования субъективного, волюнтаристического подхода к процессу федерализации, игнорирование ее объективных предпосылок, последовательности и логики проведения необходимых этапов и процедур. Объективизацией результата федерализации здесь является вновь принятый конституционный акт, учреждающий федеративную форму территориально-государственного устройства. Однако этот акт нельзя считать самоцелью и отправной точкой федерализма, так как он должен отражать не желаемое состояние общественных отношений (содержать нормы-программы и нормы-цели), а закреплять нормы-принципы, способные реализовываться в повседневных отношениях на всех уровнях власти, «здесь и сейчас» [2].

С.Д. Валентей утверждает, что «сформировать... демократическое федеративное государство лишь путем его провозглашения таковым в конституции невозможно. Требуется соответствующим образом «перенастроить» экономическое, социальное, политическое и прочие пространства страны» [3]. Действительно, если декларировать создание федерации без вызревших для этого предпосылок и возникших причин, то государство становится имитацией федерации и фактически функционирует по типу унитарного государства, рискуя рухнуть и перестать быть таковой при любом изменении политической ситуации. Примерами подобной федерализации можно считать попытки создания федераций в Советском Союзе, Чехословакии и Югославии.

Напротив, если конституционные реформы объективно назрели, фактически сложился комплекс неотъемлемых предпосылок и причин, существующие общественные отношения безотлагательно требуют принципиально иного правового подхода к регулированию, то федерализация может стать одновременно и необходимостью, и благом. Классическим, сравнительно успешным примером

трансформации унитарного государства в федерацию посредством конституционных реформ является современная Бельгия.

Таким образом, одним из критериев, по которому можно судить как о серьезности намерений власти и общества, так и о необратимости проводимых «сверху» федеральных реформ, является их продолжительность: если реформы проводятся сравнительно быстро, без использования долгих процедур согласования и институтов непосредственной демократии, то, скорее всего, федерация будет фиктивной.

В-третьих, федерализация унитарного государства, административно-территориальные образования в составе которого обладают одинаковым юридическим статусом, отличается от федерализации государства регионального, имеющего в своем составе ряд автономных территориальных единиц, сформированных для осуществления публичной власти в интересах территориального сообщества (сообществ) граждан [4]. Автономные образования в силу уже имеющегося опыта самоуправления, как правило, сами выступают с инициативой федерализации, желая приобрести большую независимость в составе государства, и становятся наиболее мощными субъектами федерации в политическом и экономическом плане. Кроме того, как показывает практика, именно такие субъекты федерации в будущем чаще всего стремятся к сепарации. Принцип равноправия в этом случае реализовать чрезвычайно сложно, и такая федерация становится асимметричной со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В-четвертых, при трансформации унитарного государства в федерацию проект новой федеральной конституции разрабатывается, как правило, специально созданным органом. Чаще всего это делает правительственная комиссия, задачей которой является представление учредительному органу либо собственного проекта, либо «сведенных воедино» нескольких проектов, предложенных представителями различных политических сил или видными юристами. Известно, например, что автором Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа [5], которая провозглашала федерацию в России и полностью вошла в текст первой советской Конституции 1918 г., был В.И. Ленин; а в разработке федеральной Конституции Австрии 1920 г. [6] принимал участие крупнейший ученый-юрист Г. Кельзен. И если Конституционная комиссия под руководством Я.М. Свердлова в 1918 г. самостоятельно разработала единственный проект первой советской Конституции, то Конституционная комиссия, составлявшая проект российской Конституции в 1990 - 1993 гг., пыталась создать компромиссный вариант из нескольких предложенных проектов [7].

В-пятых, трансформация унитарного государства в федерацию не может не отразиться на форме правления и форме государственно-правового режима. Анализируя становление федерации в разных странах мира, можно выявить следующую закономерность: федерализация ведет, с одной стороны, к установлению республиканской формы правления если не де-юре, то хотя бы де-факто; с другой стороны, к упрочению институтов демократии.

Обусловленность сочетания федеративной формы территориально-государственного устройства с республиканской формой правления вполне очевидна: одним из существенных признаков республики является принцип разделения властей по горизонтали. В условиях федерализма этот принцип не только реализуется, но еще и усиливается вертикальным разделением властей с усложнением механизма сдержек и противовесов, что не свойственно для монархии. Поэтому в ходе федерализации унитарное государство либо отказывается от монархической формы правления, декларируя и учреждая республику (Россия в 1918 г., Австрия в 1920 г.), либо сохраняет монархию лишь как дань политической традиции (современная Бельгия) [8].

Характерно, что в случае создания федерации параллельно с учреждением государственности республиканская форма правления нового государства даже не

ставится под сомнение. Так было, например, в Индии и Пакистане. Кроме того, многие исследователи признают, что Канада и Австралия фактически являются парламентскими республиками, их монархическая государственность достаточно символична.

Кроме того, ряд федеративных государств имеют сложную форму правления, которая определяется как «нетипичная», и ее «нетипичность» связана как раз с сочетанием монархических институтов с федеративной системой органов власти. В частности, это Объединенные Арабские Эмираты и Малайзия, где выборность главы государства ограничена кругом наследных монархов - соответственно эмиров и князей. Это необходимо, с одной стороны, для сохранения традиций исламского общества, с другой - для обеспечения равноправия субъектов федерации.

Таким образом, наблюдается закономерность: федеративная форма территориально-государственного устройства оптимально сочетается с республиканской формой правления и демократическим государственно-правовым режимом. Следовательно, если происходит трансформация унитарного государства в федерацию, то ее успех обусловлен наличием устоявшихся республиканских демократических институтов и традиций. В противном случае становление институтов федерализма будет сочетаться с трансформацией формы правления и государственно-правового режима, что, в свою очередь, либо сделает процесс федерализации долгим и мучительным, либо приведет к отказу от федерализма.

1. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М.П. Авдеев, А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013. С. 342.
2. Ившина И.Н. Федерализация как способ изменения формы государства // История государства и права. 2014. № 19. С. 33.
3. Валентей С.Д. Экономические проблемы становления российского федерализма. URL: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/Federalizm/1999/Federalism1-1999Valentey/Federalism-1999Valentey000.htm>. (дата обращения 06.11.2020 г.)
4. Чертков А.Н. Территориальное устройство Российской Федерации. Правовые основы. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2009. С. 67.
5. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582. Ч. 2. Ст. 1.
6. Конституция Австрии 1920 г. // Конституции государств Европы. М.: Изд-во НОРМА, 2001.
7. Сафонов В.Е. Генезис российского федерализма в советский и постсоветский период: Конституционно-правовая проблема теории и практики // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 2.
8. Ившина И.Н. Федерализация как способ изменения формы государства // История государства и права. 2014. № 19. С. 35.

Удычак Ф.Н., Шадже А.М., Фулапов С.С.
От истоков к утверждению принципа равноправия

*Адыгейский государственный университет
 (Россия, Майкоп)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-163

idsp: ljjournal-01-2021-163

Аннотация

Проследивание сложной истории признания принципа равноправия граждан в теории и практике современного права позволяет глубже уяснить социальное и нормативно-правовое содержание данного принципа, гарантии и способы его